ПРАВОСУДИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. МОНОГРАФИЯ (под редакцией доктора юридических наук, доцента Е.В. Михайловой)

Том 1

Раздел III. Особенности рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции и арбитражными судами гражданских дел отдельных категорий

Глава 2

Процессуальные особенности рассмотрения арбитражными судами корпоративных споров

Автор: Сафаева Н.Р., судья Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда

Сфера корпоративных отношений в современном обществе отличается особой конфликтностью, а категория корпоративных споров является одной из наиболее сложных в области споров, вытекающих из предпринимательской деятельности. Практика показывает, что основной причиной корпоративных конфликтов служит распространенная недобросовестность мажоритариев и/или менеджмента компаний, что, к сожалению, в последнее время стало условной нормой в отечественной деловой практике.

Лица, контролирующие текущую финансово-хозяйственную деятельность юридического лица, зачастую имеют неограниченное управление всеми процессами в обществе, определяя в том числе и дивидендную политику, и в некотором смысле находятся в недосягаемом положении для миноритарных участников корпоративного образования.

Нормы корпоративного законодательства, в том числе в части крупных сделок и сделок с заинтересованностью, основаны на принципах «демократического централизма» (власть большинства), кроме того, формальны и преимущественно императивны. Зачастую, прикрываясь соблюдением установленной процедуры и строгим бременем доказывания, недобросовестные мажоритарии и менеджмент компаний довольно свободно чувствуют себя при реализации различных оптимизационных историй, направленных на извлечение собственной выгоды в ущерб интересам миноритариев.

Верховный суд Российской Федерации на протяжении продолжительного времени последовательно движется по пути выравнивания положения участников корпорации с целью дать возможность миноритариям противодействовать произволу крупных инвесторов (участников, акционеров) с использованием принципов выявления действительного смысла спорной ситуации и оценки добросовестности мажоритариев и иных лиц, участвующих в корпоративных отношениях, что позволяет преодолеть императивные барьеры.

Так, например, судебной практикой сформирована правовая позиция, согласно которой решение общего собрания участников общества об увеличении уставного капитала за счет внесения дополнительных вкладов может быть признано недействительным в случае, если его принятие не обусловлено интересами общества, например, необходимостью привлечения значительного объема денежных средств для осуществления деятельности общества, и приведет к уменьшению доли участников общества, несогласных с таким увеличением уставного капитала.[1]

Кроме того, высший судебный орган сделал серьезный шаг в распределении бремени доказывания и снизил его стандарты для заявителей (потерпевших) по корпоративным спорам, максимально приблизив их к подходам, применяемым в делах о несостоятельности (банкротстве). В настоящее время судами активно применяются закрепленные в корпоративных законах, а также заимствованные из законодательства о банкротстве доказательственные презумпции, переносящие бремя доказывания со слабого истца на сильного ответчика.

§ 1. Иски об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность

Одним из наиболее распространенных видов исков по корпоративным спорам являются иски об оспаривании крупных

[1] См. п. 12 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019. В п. 13 того же Обзора указано: «решение общего собрания участников (акционеров) может быть признано недействительным в случае, если оно принято в ущерб интересам общества и (или) участника (акционера) и при этом участник (акционер), повлиявший на принятие решения, действовал исходя из собственной выгоды или имеются иные доказательства его недобросовестности или неразумности (например, заведомая невыгодность одобренной сделки)».

сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность.

Судебная практика определяет конкретные средства доказывания и источники получения доказательств для целей подтверждения фактов, позволяющих квалифицировать сделку как крупную или с заинтересованностью.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», для квалификации сделки как крупной необходимо наличие у сделки на момент ее совершения двух признаков: количественного (стоимостного) и качественного, который выражается в выходе сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Нормы корпоративного законодательства для установления количественного (стоимостного) признака сделки отсылают к данным бухгалтерской (финансовой) отчетности юридического лица.

Негативно настроенное против предъявленного иска руководство корпорации зачастую уклоняется от представления в суд бухгалтерской (финансовой) отчетности юридического лица, а участник корпорации, предъявивший иск в интересах общества, не имеет доступа к такого рода отчетности. В подобных ситуациях суд, как правило, истребует от налогового органа бухгалтерскую отчетность, представленную юридическим лицом в рамках исполнения обязанности, предусмотренной статьей 23 Налогового кодекса Российской Федерации.

В ряде случаев общество формально исполняет свою обязанность и представляет в суд соответствующую отчетность, однако ее достоверность вызывает обоснованные сомнения участника корпорации. Для разрешения возникших разногласий относительно достоверности представленного обществом доказательства суды нередко по ходатайству участника корпорации назначают бухгалтерские и оценочные экспертизы.

Приведенный порядок формирования доказательственной базы по искам об оспаривании крупных сделок является достаточно трудоемким, а порою и малоэффективным. Например, если общество не сдает на протяжении нескольких лет отчетность в налоговые органы или уклоняется от представления первичной

бухгалтерской документации для производства назначенной судебной экспертизы, ссылаясь на ее утрату.

Еще большие сложности возникают у участников корпораций, предъявивших иски об оспаривании сделок, в совершении которых имелась заинтересованность.

В силу норм статьи 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и статьи 81 Федерального закона «Об акционерных обществах» сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, признается сделка, в совершении которой имеется заинтересованность члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа общества или лица, являющегося контролирующим лицом общества, либо лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания.

При рассмотрении корпоративных споров вслед за делами о несостоятельности (банкротстве) наряду с понятием «юридической аффилированности» стал активно использоваться термин «фактической аффилированности» при установлении круга лиц, заинтересованных в совершении сделки, что также во многом способствовало пресечению формализма при применении корпоративного законодательства.

Фактическая аффилированность в отличие от юридической определяется через неявные, на первый взгляд, но устойчивые взаимоотношения лиц в отсутствие их юридически оформленных правоотношений.

Она выявляется на основании совокупности косвенных признаков, а также обуславливается фактом получения лицом необоснованной выгоды в отношениях с обществом, получение которой, как правило, возможно только при наличии особых взаимоотношений.

По сути, складывающаяся судебная практика привела к пониманию аффилированности как сговора (договорённости) о совместных действиях в ущерб интересам общества (акционера, кредитора).[2]

[2] Определение ВС РФ от 06.09.2024 №308-ЭС24-3124, Определение ВС РФ от 06.09.2024 №307-ЭС24-5194.

Однако следует признать, что с одной стороны расширение понятия заинтересованного лица через фактическую аффилированность, увеличило шансы участника корпорации на защиту своих корпоративных прав, нарушенных совершенной в обществе сделкой, с другой стороны – не всегда облегчает, а иногда и очевидно осложняет процесс доказывания в судебном деле для такого лица.

Доказывание общности экономических интересов через подтверждение юридической аффилированности является достаточно простым и носит формальный характер. Иначе обстоит ситуация с доказыванием обстоятельств, связанных с установлением структуры корпоративного участия и управления, искусственно позволяющих избежать формального критерия группы лиц, однако сохраняющих возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности.

Но это не единственная проблема доказывания при оспаривании сделок с заинтересованностью.

Согласно абзацу 2 пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, может быть признана недействительной (пункт 2 статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации), если она совершена в ущерб интересам общества и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) о том, что согласие на ее совершение отсутствует. Аналогичная норма содержится и в абзаце 2 пункта 6 статьи 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Таким образом, истец по иску о признании недействительной сделки, в совершении которой имелась заинтересованность, обязан кроме признаков заинтересованности доказать факт причинения ущерба обществу в результате совершения сделки, а также факт осведомленности другой стороны сделки о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) о том, что согласие на ее совершение отсутствует.

Доказывание факта причинения ущерба обществу в конструкции косвенного иска является достаточно проблематичным. В этой связи на законодательном уровне была установлена доказательственная презумпция ущерба от совершения сделки, в которой имеется заинтересованность.

Так, пунктом 1.1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» и абзацами 4-6 пункта 6 статьи 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» установлено, что ущерб интересам общества в результате совершения сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, предполагается, если не доказано иное, при наличии совокупности следующих условий:

- отсутствует согласие на совершение или последующее одобрение сделки;

- лицу, обратившемуся с иском о признании сделки недействительной, не была по его требованию предоставлена информация, касающаяся оспариваемой сделки, в том числе документы или иные сведения, подтверждающие, что сделка не нарушает интересов общества (совершена на условиях, существенно не отличающихся от рыночных, и другую).

Для истца снижен стандарт доказывания, в том числе, и факта осведомленности контрагента по сделке о пороках ее совершения. В частности пунктом 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» установлено, что применительно к сделкам с заинтересованностью судам надлежит исходить из того, что другая сторона сделки (ответчик) знала или заведомо должна была знать о наличии элемента заинтересованности, если в качестве заинтересованного лица выступает сама эта сторона сделки или ее представитель, изъявляющий волю в данной сделке, либо их супруги или родственники, названные в абзаце втором пункта 1 статьи 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и абзаце втором пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об акционерных обществах».

Таким образом, и на законодательном уровне, и на уровне судебного разрешения корпоративных споров введен и применяется пониженный стандарт доказывания для миноритарных участников корпоративного образования, объективно

ограниченных в своих доказательственных возможностях.[3] Такой подход является логичным и позволяет сохранить баланс интересов сторон, вовлеченных в корпоративный судебный спор.

§ 2. Споры, связанные с исключением участника из общества

Среди всей разновидности корпоративных споров отдельно стоит обратить внимание на споры, связанные с исключением участника из общества.

Длительное время подход к рассмотрению данных споров основывался на том, что такой способ защиты прав носит исключительный характер и применяется тогда, когда отсутствуют иные возможности устранения препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества, вызванные поведением нарушителя.[4]

Вместе с тем зачастую участники общества прямо не нарушают своих корпоративных обязанностей, однако своим формально правомерным (допустимым) поведением затрудняют деятельность общества и создают препятствия для полноценной реализации прав прочих участников. Как правило, такое происходит в ситуации участия в обществе двух лиц с равными долями участия, когда между ними возникает так называемый тупиковый корпоративный конфликт.

---

[3] Определяя степень снижения стандарта доказывания по статье 174 Гражданского кодекса Российской Федерации, применяемой судами при разрешении корпоративных споров, А.Г. Карапетов указывает, что «чем ярче и очевиднее фактор объективного конфликта интересов и аффилированности представителя и контрагента, тем ниже тот пороговый уровень аномальности сделки, при котором суд вправе применить этот состав недействительности. И, наоборот, если нет никаких объективных признаков конфликта интересов и взаимосвязанности представителя и контрагента, для оспаривания сделки нужно привести достаточно весомые доказательства того, что при совершении сделки имел место сговор, направленный на причинение ущерба» (Карапетов А.Г. Проблемные вопросы применения статьи 174 ГК РФ // Вестник гражданского права, 2018, № 1).

[4] Андреев В.К. и Лаптев В.А. отмечают, что «при рассмотрении данной категории споров должна учитываться степень «допустимого» вмешательства суда в корпоративное управление. Суд не вправе вмешиваться в работу корпоративной организации и гражданско-правового сообщества - общего собрания участников, исключив из него одного из партнеров-участников. Суд дает правовую оценку корпоративным событиям с точки зрения соблюдения норм законодательства и добросовестности поведения. Кроме того, в данной категории дел оцениваются последствия для самой корпорации, которые должны затруднять ее деятельность» (Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 432 с.).

В 2019 г. Верховным Судом Российской Федерации в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019, была сформулирована правовая позиция, применяемая при рассмотрении требований об исключении участника из хозяйственного общества, созданного двумя лицами на паритетных началах.[5]

Корпоративный конфликт возникает между участниками корпоративных отношений, имеющими различные интересы по управлению корпорацией и осуществляющими определенные действия для реализации своих интересов. Такой конфликт характеризуется взаимным противостоянием, в котором обе стороны преследуют собственные цели, основанные на субъективном представлении об эффективном плане ведения бизнеса.

В подобной ситуации определение правой и неправой стороны становится для суда крайне затруднительным.

При развитии конфликта, повлекшего ряд взаимных действий обоих участников (в т.ч. внешне законных), суды выясняют, какая из сторон действительно интересуется общим делом, а какая хочет извлечь выгоду из конфликтной ситуации.

В указанных обстоятельствах исключение участника из общества не рассматривается в качестве меры ответственности участника, вовлеченного в корпоративный конфликт, и не несет для него штрафного смысла. Исключение из общества здесь может служить способом разрешения тупиковой ситуации в условиях, когда управление обществом основано на консенсусе (то есть необходимо единогласное решение по ключевым вопросам управления обществом).

Таким образом, судебная практика исходит из того, что в подобных случаях исключение участника из общества является не столько способом защиты нарушенного права, сколько способом разрешения корпоративного конфликта.

В споре об исключении участника из общества в предмет доказывания входит установление стороны корпоративного конфликта, которая фактически утратила интерес к осуществлению

[5] В п. 7 Обзора указано: «Наличие корпоративного конфликта, а также равное распределение долей между сторонами корпоративного конфликта не являются основаниями для отказа в иске об исключении участника из общества».

совместной деятельности в рамках общества и старается извлечь выгоды из своего корпоративного статуса, используя его в ущерб интересам общества, в том числе, посредством формально законных действий (бездействий), например, в форме уклонения от участия в общих собраниях, голосования по важным вопросам текущей деятельности общества.

Интересной также представляется правовая квалификация требований об исключении участника из общества в качестве изменений условий учредительного договора[6].

В данном случае, по мнению Костина Е.В., имеет место договорной подход к корпоративным правоотношениям в целом, а исключение участника рассматривается как частный случай санкции за существенное нарушение условий учредительного договора.[7]

В последующем такой подход к квалификации исключения участника на протяжении продолжительного времени в судебных актах не встречался. Причиной этому, согласно рассуждениям того же автора, послужило вступление в силу статьи 10 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», которая предусматривала в качестве санкции исключение из общества участника, который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет.

Другие авторы полагают, что обязательственная квалификация требования об исключении утратила свою актуальность с принятием ст. 2 ГК РФ, в которой законодатель разграничил корпоративные и обязательственные отношения, а нормы об обязательствах в силу пункта 3 статьи 307.1

---

[6] Впервые такая квалификация приведена в Постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», который разъяснял: «Учитывая, что исключение участника из общества с ограниченной ответственностью или общества с дополнительной ответственностью фактически является изменением условий соответствующего учредительного договора (расторжением его в отношении данного участника), таковое может быть осуществлено лишь в случаях, предусмотренных законом или учредительными документами общества, а также при существенном нарушении соответствующим участником общества условий учредительного договора (статья 450 Кодекса)».

[7] Костин Е.В. Исключение участника из непубличной корпорации как способ защиты права // Современный юрист. 2022. N 4. С. 54 – 64.

Гражданского кодекса Российской Федерации допустил к применению для урегулирования корпоративных отношений в качестве аналогии права, восполняя пробелы в регулировании корпоративных отношений, однако не меняя их сущности.[8]

Представляется, что основной причиной послужило исключение учредительного договора из числа учредительных документов обществ с ограниченной ответственностью с 01.07.2009[9].

Между тем, в 2024 году Верховный Суд РФ вновь вернулся к правовой квалификации, данной более 28 лет тому назад, в новой интерпретации, указав, что по своей правовой природе исключение участника из общества представляет собой расторжение в судебном порядке договора об учреждении общества со стороной, допустившей существенное нарушение своих обязательств, связанных с ведением общего дела.[10]

Представляется, что такая правовая квалификация не может являться универсальной для всех случаев предъявления требований об исключении участника из общества.

Нормативно содержание учредительного договора раскрывается в ст. 89 ГК РФ и ст. 11 Федерального закона № 14-ФЗ, где указано, что заключаемый договор об учреждении общества определяет не порядок осуществления учредителями совместной деятельности вообще, а порядок осуществления ими совместной деятельности по учреждению общества. Договор об учреждении общества, в отличие от существовавшего до 2009 г. учредительного договора, не относится к числу учредительных документов обществ.

Таким образом, с учреждением участниками общества на заранее оговоренных условиях договор об учреждении общества исполняется и, стало быть, прекращается. В этой связи, если договор об учреждении общества был надлежащим образом исполнен (не осталось неисполненных надлежащим образом обязанностей) и прекратился, то расторгать становится уже нечего.

---

[8] Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. 432 с.

[9] Федеральный закон от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[10] Определение ВС РФ от 02.09.2024 года №305-ЭС23-30144.

В свою очередь основания для исключения участника из общества появляются значительно позже, когда искомая цель договора об учреждении общества уже достигнута и говорить о существенном нарушении обязательств по договору об учреждении общества не приходится.

Между тем в силу принципа свободы договора в договоре об учреждении общества можно предусмотреть такие обязанности, которые будут существовать и после учреждения общества, и неисполнение которых будет являться основанием для расторжения данного договора. Представляется, что именно для таких договоров предложенный Верховным Судом Российской Федерации подход будет являться оправданным.

Вышеуказанные примеры особенностей рассмотрения отдельных видов корпоративных споров, а также формируемых судебной практикой правовых подходов свидетельствуют о необходимости продолжения реформирования отечественного корпоративного права, а также поиска новых форм и способов защиты для участников данной сферы правоотношений.